

УДК 821.112.2

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА Б.Х. БРОККЕСА

А.В. МОРДЯХИНА

(Представлено: Л.И. СЕМЧЁНОК)

Рассматриваются специфические черты творчества Б.Х. Броккеса разных лет: от барочных традиций в произведениях раннего периода до ярко выраженных просветительских тенденций в стихотворных опытах сборника «Земное наслаждение в Боге, представляющее в физических и моральных стихах». Предлагается более подробный анализ отдельных стихотворений поэта, относящихся к жанру описательной поэзии и наиболее точно передающих настроения эпохи Просвещения.

Бартольд Хинрих Броккес (Barthold Hinrich Brockes, 1680–1747) родился в Гамбурге в семье состоятельного купца. Это дало ему возможность получить образование сначала в латинской школе, а затем в Академической гимназии Гамбурга. Юридическое образование Броккес получил в Галле, где изучал право и слушал лекции К. Томазиуса. По окончании университета молодой патриций отправился в образовательное путешествие по Европе, побывал в Швейцарии, Италии, Франции, Англии. Всю свою дальнейшую жизнь Броккес прожил в родном городе. Там он стал лидером городского патрициата, сенатором и дипломатом. В 1733 году ему был помилован титул пфальцграфа, что в значительной мере способствовало укреплению и росту его авторитета. Помимо исполнения своих должностных обязанностей на посту городского советника и судьи, Броккес активно занимался меценатством, поддерживал развитие литературы и искусства, ратовал за права немецкого языка. Б.Х. Броккес учредил в Гамбурге «Общество ревнителей немецкого языка» (Die Teutschübende Gesellschaft), которое позднее было переименовано в «Патриотическое общество» (Die Patriotische Gesellschaft) [1, с. 48].

В начале творческого пути поэт еще придерживался традиций Второй Силезской школы; открыто заявлял о своем почитании творчества К.Г. фон Гофмансвальдау (Christian Hoffmann von Hoffmannswaldau, 1616-1679). Именно поэтому его выразительность в произведениях раннего периода редко поднимается выше словесного блаженства. С другой стороны, в поэзии Броккеса тех лет можно отыскать и черты Первой силезской школы. Отличительными особенностями ранних произведений поэта (текста оратории «Страсти Христовы» (Der für die Sünde der Welt gemarterte und sterbende Jesus, 1712) и переводной поэмы Дж. Марино «Вифлеемское избиение младенцев» (Verdeutscher Bethlehemischer Kindermord, 1715) является наличие в них ярко выраженных барочных черт: напряженного драматизма, контрастности, метафоричности, соединения аллегоричности и натурализма.

В историю немецкой литературы Б.Х. Броккес вошел благодаря своим более поздним работам, а именно, как зачинатель философской описательной поэзии. В творческих поисках поэт «идет своими путями» [1, с. 48], соединяя барочную эмоциональность с присущим эпохе Просвещения рационализмом, чувственное воплощение природы – с размышлением о ее целесообразности. Большая философская мысль и строгая религиозность вкуче с пропитанной гедонизмом свежестью и наивностью восприятия превращают все лирическое наследие Броккеса в гигантское целое.

Стихи Броккеса, издававшиеся с 1721 по 1747 г., составили девять томов, объединенных под названием «Земное наслаждение в Боге, представляющее в физических и моральных стихах» (Irdisches Vergnügen in Gott, bestehend in physikalischen und moralischen Gedichten). В них разрабатывается идея совершенства этого мира на том основании, что человек и природа прекрасны. Само название сборника раскрывает идейный замысел поэта: представить богатство и красоту окружающего мира, величие природы, более того – всей Вселенной – и тем самым утвердить всемогущество и непревзойденное дарование творца. В сборнике превалирует одна мысль – о высшей целесообразности творения, разумном устройстве мироздания и совершенстве природы, которое подтверждает существование высших замыслов Бога.

Интерес современников к поэтическим опытам Броккеса оказался значительным. Для того, чтобы сделать огромный текст более ясным и удобным для понимания широкими читательскими кругами, уже в 1738 году вышел еще один сборник с наиболее значительными стихотворениями из «Земного наслаждения в Боге», который сам по себе был достаточно обширным и состоял из более чем семисот страниц [2, с. 35].

Современники ценили Броккеса за идейное содержание его поэзии, заложенный в ней просветительский потенциал, но многие из них (А. фон Галлер и И.Я. Бодмер, позднее И.Г. Гердер) ставили выше живое, чувственное и эмоциональное восприятие поэтом природы, составлявшее сущность его творчества и жизненной философии. Рассказывая о своих впечатлениях от окружающей его природы, Броккес не упускает возможности взглянуть на красоты природы и сельской жизни с точки зрения патриархаль-

ной «основательности» и «пользы». Простые нравы, старинный быт, повадки животных особенно умиляют поэта. Социальные же мотивы проявляются в его творчестве весьма слабо. Он видит деспотизм и тщеславие «высоких» особ и пагубность завоевательной политики сильных мира сего и войн, которые они ведут. Но они не становятся основным предметом его поэзии. Спасение от житейских неурядиц Броккес находит в природе и радости, которую доставляют ему ее красоты, а также в восхищении величием вселенной.

Особый интерес для исследователей представляют те поэтические работы поэта, которые обнаруживают в его творчестве «исторически новую форму лирического обращения к Природе» [2, с. 36]. Остановимся более подробно на ее отличительных особенностях. Во-первых, несмотря на разнообразие объектов описания, все стихотворения поэта отличаются структурным единообразием. Кроме того, Броккес часто использует верлибр, что придает его стихам довольно свободную, если не сказать распушенную, форму. Для Броккеса характерна яркость описаний, сосредоточение внимания на деталях, передача картин природы в разное время суток и года. Самое сильное в его поэзии – чувство изумления перед огромным Божественным миром, в котором все прекрасно и гармонично – от небесных светил и звездного небосвода до мельчайшей букашки или цветка. Природа для Броккеса – не «поэтическая кулиса» [3, с. 242]; он знает и любит ее. Чувства, одушевляющие поэта, так искренны, так очевидна его огромная любовь к этому земному миру, в каждой малости которого для него сияет отблеск мощи Творца, что читатель готов простить ему излишнее пристрастие к мелочам, умилительную серьезность в отношении к каждой букашке и педантичность, с которой он бесконечно иллюстрирует все одну и ту же мысль: целесообразность и совершенство сотворенного Богом мира. И, наконец, в каждом предмете, в каждой мелочи поэт чувствует присутствие Бога. Он призывает к уходу от мирских забот, к созерцательной медитации и религиозным размышлениям.

В стихотворении «Цветочек-незабудка» (*Das Blümlein Vergissmeinnicht*, 1724) читатель с первых строк погружается в мир восхитительной природы, окружающей лирического героя. Мы словно смотрим на мир глазами героя, выражающего свой восторг достаточно витиеватыми выражениями, используемыми им при описании красот лугов, рек и источника всей человеческой жизни – солнца:

*Saß ich an einem kleinen Hügel,
Bewunderte bald in der blauen Flut
Des Luftsaphirs saphirnen Spiegel [4].*

(«Сидел я на небольшом холме, // С восхищением созерцал в синем потоке // // Зеркальное отражение воздушного сапфира¹»).

Лирического героя поражает богатство жизни и красота растений, которые можно встретить в дикой природе – его окружают различные травы и клевер (*Kräuter, Gras und Klee*). Его вдохновляют обилие и разнообразие флоры и фауны, их великолепие. Но, самое главное, он уверен, что все это – часть гениального плана Творца, потому что подобная красота не могла возникнуть сама по себе, за этим стоит кто-то более великий и могущественный.

Но в следующей строфе из всего это многообразие лирическому герою особенно дорог становится лишь один цветок. Он видит прекрасную небесно-голубую незабудку и понимает, что через нее Бог ниспослал ему весть, заключенную в трех словах: «Не забывай меня» (*Der Schöpfer der Vergißmeinnicht selbst spricht: / Vergißmeinnicht!*²). Поэт указывает на то, что небесно-голубой цвет незабудки (*himmelblau*) – тоже своеобразное воплощение Бога. Эти символы имеют важнейшее значение для Броккеса: нежная незабудка в окружении травы является воплощением надежды и веры; именно благодаря вере произведения автора получают свое смысловое наполнение.

Б.Х. Броккес продолжает следовать принципу «Бог во всем» и поселяет его в окружающих лирического героя вещах: в гладком речном потоке, стройном тростнике, травах, клевере с серебристой росой на нем:

*Da Gott in allem, was wir sehen,
Uns sein' Allgegenwart und wie er alles liebet
So wunderbarlich zu verstehen [4].*

(«Здесь Бог во всем, что мы видим, // Его вездесущность и то, как он все любит, – // Как нам чудесно осознавать»).

¹Здесь и далее перевод мой – А. Мордыхина

²Сам создатель незабудки говорит: «Не забывай меня!».

Герой уверен, что вера в Бога – это самое важное в жизни, что Бог – единственный, кто заботится о каждом человеке, тот, кто всегда будет вести его и наставлять на правильный путь. Именно слова о том, что он вездесущ, подтверждают это. Бога можно увидеть повсюду, считает Броккес, а природу можно познать лишь через веру.

В то же время, в стихотворении «Цветочек-незабудка» достаточно четко просматриваются типичные черты просветительской идеологии. Прежде всего, это дидактическое стихотворение, через которое поэт напоминает читателям о том, что нужно всегда помнить о великой силе Творца, отраженной в природе и именно у природы человек должен учиться спокойствию и красоте. Но лирический герой Броккеса не только преклоняется перед мощью творца, он еще пытается познать мир через собственные чувства. Он не принимает активного участия в процессах, которые происходят в природе, но стремится познать специфику ее законов.

В стихотворении «Вишневый цвет в ночи» (*Kirschblüte bei Nacht*, 1727) лирический герой созерцает цветущую в лунную ночь вишню, на которой так много цветов, что, казалось, неожиданно пошел снег. Поэт обращается к детальному описанию происходящих в природе процессов, и именно яркий образ окутанного белым снегом вишневого дерева служит для Броккеса источником внезапно охватившего лирического героя ощущения некоего счастья, умиротворения и благополучия.

Уже в начальных строках стихотворения поэт обращается к описанию небольших, незначительных для стороннего наблюдателя деталей; герой изучает даже самую незаметную веточку, чтобы убедиться, что на каждой из них есть несколько тяжелых соцветий. Он считает, что на земле нет ничего чище и прекраснее этого дерева, и, чтобы доказать это, Броккес повествует читателю о наблюдениях героя за этим чудом природы:

*Ein jeder, auch der kleinste Ast
Trug gleichsam eine rechte Last
Von zierlich-weißen runden Ballen [4].*

(«Каждая, даже самая маленькая ветвь // Держала эту тяжелую ношу // Из изящно-белых круглых шаров»).

Тот факт, что любая ветка, в независимости от ее размеров и сил, удерживает цветы, очень важен для автора – это идея равенства, что присуща многим творцам эпохи Просвещения. Сравнение дерева с лебедем: «*Не существует лебедя белее*» (*EsistkeinSchwansoweiß*) указывает на то, что лирический герой до глубины души восхищен, казалось бы, обыкновенным явлением, и что это явление может быть так же прекрасно, как и один из самых грациозных представителей животного мира.

Своеобразной кульминацией в изображении вишни являются строки, описывающие, как сквозь листву льется лунный свет, благодаря чему освещается, становится такой же белоснежной даже окружающая их тень. Образ пробивающегося сквозь тьму света – один из центральных в арсенале европейского Просвещения, глубоко уверенного, по крайней мере, на ранних своих этапах, в созидательных возможностях света разума, прокладывающего себе дорогу через непроглядную тьму людской глупости. «Белые» образы, возникающие на страницах этого стихотворения, например, снег, лунный свет, лебедь, вишневый цвет, – символ чистоты и совершенства окружающего мира. Именно они приносят в художественный мир произведения ощущение спокойствия.

В следующей затем строфе Броккес словно расширяет горизонты, открывающиеся взору его лирического героя. И вот он уже замечает гораздо более яркое и красивое сияние, которое идет с неба:

*...Sah ich von ungefähr
Durch alle Blumen in die Höhe
Und ward noch einen weißern Schein [4]
Der tausendmal so weiß, der tausendmal so klar,
Fast halb darob erstaunt, gewahr.*

«...взглянул я случайно // Через все эти цветы в высь // И обнаружил еще один более белый свет, // Что был в тысячу раз белее, тысячу раз чище // я был этим почти изумлен».

Поэт считает, что, несмотря на всю красоту вишневого дерева, этот свет более прекрасен: он «в тысячу раз белее» (*tausendmal so weiß*) и «в тысячу раз чище» (*tausendmal so klar*).

Власть Творца, по Броккесу, превосходит все существующее на Земле в своей красоте и чистоте, ведь те цветы, которые в самом начале стихотворения были белее снега, в конечном итоге оказались «черными» по сравнению с божественным свечением:

*Der Blüte Schnee schien schwarz zu sein
Bei diesem weißen Glanz [4].*

(«Снежное цветение казалось черным // При этом белом блеске»).

В совершенстве этой небесной силы и сосредоточена главная идея стихотворения; с ней не может сравниться все то, что окружает лирического героя, – красота земного мира блекнет в сравнении с красотой небесной:

*Die größte Schönheit dieser Erden
Kann mit der himmlischen doch nicht vergleichen warden [4].*

(«Самая великая красота этой земли // Не сравнится ведь с небесной»).

Именно в этом кроется главный замысел поэта: показать, что ни одна из земных красот не может стоять рядом с великолепием Небес и самим Творцом. Подтверждением этому может быть само вишневое дерево, как образ чистоты и хрупкой красоты, которые являются одновременно и символом быстротечности, недолговечности всего земного. А это уже типичный мотив барокко, который часто встречается в произведениях Броккеса, свидетельствуя о переходном характере его творчества. Благодаря этому образу поэт в очередной раз разрабатывает свою мысль о том, что люди часто бывают ослеплены лишь внешней привлекательностью вещей, забывая, что это великолепие не вечно.

И все же, основная идея, лежащая в основе анализируемого стихотворения – хвала Богу и его творению. Бог здесь – осязаемый символ бесконечной власти, он везде и во всем. Только он может «коснуться» человека: в то время, как вишневым деревом можно лишь недолго восхищаться, небесный свет всегда будет рядом с людьми. Лирический герой видит не только изящество вишни, но и ощущает присутствие Творца поблизости. «Вишневый цвет в ночи» – не типичная барочная поэма и в то же время не типичное произведение эпохи Просвещения. Это стихотворение – доказательство того, как поэту раннего Просвещения удается с легкостью совмещать абсолютно противоречивые идеи двух не похожих друг на друга эпох.

Интересным с точки зрения объекта наблюдения представляется нам стихотворение «Маленькая муха» (*Die kleine Fliege*, 1736). Построенное по принципу антитезы, оно вновь и вновь возвращает читателя к центральной идее творчества Броккеса о всеблагости и могуществе Творца, демонстрируя деяния великого Бога, как единственного, кто мог даже такое маленькое и неприятное существо, как муха сделать привлекательным – с зеленой головой, золотистым тельцем, переливающимся под солнцем красным и порой голубым, и крепкими крыльями:

*Liebster Gott! wie kann doch hier
Sich so mancher Farben Zier
Auf so kleinem Platz vereinen,
Und mit solchem Glantz vermählen,
Daß sie wie Metallen scheinen [4]!*

(«Боже мой! как можно здесь, // Красоту столько цветов // Объединить на таком маленьком кусочке пространства, // И раскрасить таким блеском, // Что оно сияет подобно металлам?»)

Бог-творец – не просто породил маленькое существо, он создал его с опорой на основные законы, лежащие в основе мироздания и постепенно открывающиеся царству разума и современной науке. А потому, чтобы раскрыть тайны природы надо внимательно к ней присмотреться: она не нечто независимое, она – доказательство рациональности мира.

Муха – это не просто насекомое, созданное ради развлечения, она помогает лирическому герою познать Творца:

*Hast du also, kleine Fliege,
Da ich mich an Dir vergnüge,
Selbst zur Gottheit mich geleitet [4].*

(«То, что есть в тебе, маленькая муха, // Что забавляет меня, // Направляет меня к Богу»).

В мухе есть необходимые человеку красота и гармония, которые обнаруживаются при ее описании; благодаря им тот, кто пользуется логикой и разумом, может с легкостью проследить связь любого

существующего в мире явления с Богом. Брокес снова отправляет читателя от небольшой детали – мухи – к космическому. Вера для него на протяжении всего произведения остается самым главным элементом повествования.

Так, в стихотворении «Прекрасный червячок» (*Das schöne Würmchen*, 1743) повествование ведется от лица лирического героя, который предпочел одиночество, чтобы спокойно погрузиться в свои мысли о близости с Богом:

*Im kühlen Schatten dichter Blätter
Saß ich, bey einem schwühlen Wetter,
Beschirmt vor der Sonnen Schein,
Bedeckt von einem grünen Himmel,
Entfernt von der Stadt Getümmel,
Und dacht' auf Gott und mich allein [5].*

(«В прохладной тени густой листвы // Сидел я в знойную погоду, // Закрыт от солнечного света, // Окружен зеленым небом, // Далек от городской суматохи, // Думая лишь о Боге и себе»).

Постепенно внимание лирического героя отстраняется от реальных объектов окружающей действительности, он позволяет своему внутреннему зору странствовать, переходить от одной мысли к другой и, в конце концов, это путешествие наталкивает его на след «прекрасного червячка» (*“das schöne Würmchen”*). Это «открытие», в свою очередь, не воспринимается им как нежелательная помеха, оно приводит лирического героя к идее рассмотреть этот «феномен» поближе. Таким образом, круг главных элементов стихотворения сужается к трем: Богу, самому герою и «прекрасному червячку», как представителю той самой «земной природы» [2, с. 37].

Поэзия Б.Х. Брокеса – наглядное воплощение художественных особенностей литературы переходного периода. В ней гармонично сочетаются просветительский сенсуалистический рационализм и типично барочные черты. Чувства, выраженные в его стихах, не являются, в сущности, субъективными, но претендуют на некую обязательность и идут рука об руку с размышлениями. Творческое наследие поэта содержит в себе три главных составляющих, определивших идеологию эпохи Просвещения – разум, чувство и природу. Стихи поэта то уносят читателя высоко в небо, в необъятную и непознанную Вселенную, то снова возвращают на землю, заставляя как можно тщательнее взглянуть в самые мелкие детали окружающего его мира: пение соловья и самый незаметный цветок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синило, Г. В. История немецкой литературы XVIII века : учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск : БГУ, 2012. – 400 с.
2. Kittstein, U. Deutsche Naturlyrik: Ihre Geschichte in Einzelanalysen / U. Kittstein. – Darmstadt : WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft), 2009. – 318 S.
3. Blackall, E. A. The Emergence of German as a Literary Language 1700–1775 / E. A. Blackall. – Cambridge : Cambridge University Press, 1959. – 552 p.
4. Barthold Heinrich Brockes. Gedichte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Brockes,+Barthold+Heinrich/Gedichte>. – Дата доступа: 29.04.2017 г.
5. Die deutsche Gedichtbibliothek. Gesamtverzeichnis deutschsprachiger Gedichte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gedichte.xbib.de/gedicht_Brockes.html. – Дата доступа: 29.04.2017 г.